

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.11-112

ББК 81.2Англ

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-49-60>

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕСТОИМЕНИЕМ *MAN* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Валерьевна Разумных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Описываются особенности формирования и функционирования структур с местоимением *man* в древнеанглийском языке. Исследование памятников разных жанров с помощью методов сплошной выборки и контекстуального анализа обнаружило различия в частотности и семантико-стилистических особенностях реализации языковых единиц. В результате анализа сделан вывод, что основой формирования неопределенно-личной модели предложения в древнеанглийском языке стала семантико-грамматическая трансформация полнозначного существительного *man* (*mon*), подкрепленная антропоцентрическим типом мышления.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, неопределенно-личные предложения, семантический переход, грамматикализация, антропоцентризм в языке

Для цитирования: Разумных Е. В. Неопределенно-личные предложения с местоимением *man* в древнеанглийском языке // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 49–60. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-49-60>

Original article

INDEFINITE-PERSONAL ‘*MAN*’ STRUCTURES IN OLD ENGLISH

Elena V. Razumnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper focuses on the specific features of the indefinite-personal syntactic structures with ‘*man*’-pronoun in Old English. The epic poem ‘Beowulf’ and Anglo-Saxon Chronicles provide valuable research material, as they help reconstruct the language potential of the selected structures in various literary genres. The continuous sampling and contextual analysis methods revealed considerable differences in frequency, meaning, and style of ‘*man*’-structures between the texts. The development of indefinite-personal structures in Old English is assumed to be underpinned by the semantic and grammatical transformation of the noun ‘*man*’ and fostered by the human-centered, or anthropocentric, view of the world as perceived by the Anglo-Saxons.

Key words: Old English, indefinite-personal structures, semantic transformation, grammaticalization, anthropocentric worldview

For citation: Razumnykh, E. V. (2025). Indefinite-personal ‘*man*’ structures in Old English. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 49-60. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-49-60>

Введение

Неопределенно-личные предложения с местоимением *man* являются одной из синтаксических структур современного немецкого языка. В исторических грамматиках указывается, что данное местоимение развилось из существительного *Mann* ‘человек, мужчина, муж’ и было зафиксировано еще на древнем этапе развития языка [Жирмунский, 2023, с. 206]. В современном английском языке такое местоимение и конструкция с ним отсутствуют, однако генетическое родство немецкого и английского языков, связанное с их происхождением от одного источника, позволяет обнаружить на ранних этапах развития английского языка некоторые языковые структуры, которые были им впоследствии утрачены, но сохранились в той или иной форме в немецком или других германских языках. Одна из таких структур – особая модель предложений с местоимением *man* (*mon*).

В настоящей статье ставится **цель**: а) исследовать особенности функционирования существительного *man* (*mon*) и одноименного неопределенно-личного местоимения в двух разножанровых памятниках древнеанглийского языка; б) на основании полученных данных выявить характеристики семантико-грамматического перехода, связывающего обозначенное существительное и местоимение и способствующего формированию новой синтаксической модели.

Исследования подобного рода немногочисленны как в отечественной, так и в зарубежной науке. Так, в исторических грамматиках английского языка, изданных в разные годы, упоминания об указанном местоимении и конструкции с ним либо отсутствуют [Смирницкий, 1998; Расторгуева, 2003; Аракин, 2011; Шапошникова, 2022; Quirk, Wrenn, 1960; Mitchell, Robinson, 1997; Ringe, Taylor, 2014], либо сводятся к кратким указаниям о возможности функционирования таких структур на древнем этапе развития английского языка. К примеру, И. П. Иванова и др. отмечают, что в качестве неопределенно-личного местоимения в древнеанглийском языке можно рассматривать существительное множественного числа *men* ‘люди’ в собирательно-неопределенном значении, а о самих неопределенно-личных предложениях упоминают лишь при описании среднеанглийского периода, когда данное местоимение уже перестает существовать [Иванова, Чахоян, Беляева, 1999, с. 115, 262]. В. Н. Ярцева в своем описании исторического синтаксиса английского языка указывает на конструкции с *man* как на соотнесенные семантически с пассивными конструкциями, делая оговорку, что употребление определенного разряда слов в качестве подлежащего достаточно выделяло их с точки зрения формы [Ярцева, 2022, с. 57].

Древнеанглийское местоимение *man/mon*, эквивалентом которого в современном английском языке является ‘*one*’, использовалось подобно французскому *on* (от лат. *homo*) и немецкому *man* как семантический аналог пассивной конструкции [Hogg, Fulk, 2011, p. 207; Fulk, 2014]. А. Кемпбелл пишет, что древнеанглийское существительное единственного числа *man* могло использоваться в значении ‘*someone*’ (кто-то) и часто давало возможность перифразы пассивного залога, напр. *hine man heng ‘someone hanged him’, ‘he was hanged’* [Campbell, 1991, p. 294]. В фундаментальном труде, посвященном истории английского языка, неопределенное местоимение *man* упоминается

лишь в связи с заменой его местоимением *one* в среднеанглийский период [Fischer, 2006, p. 225]. Все это определяет **новизну** настоящего исследования, призванного восполнить данный пробел в исторических описаниях английского языка, относящегося к германской группе, и расширить объем данных об изменениях его лексической и грамматической систем в диахронии.

Актуальность работы объясняется ее материалом: изучение языка древних памятников письменности, тем более принадлежащих к разным литературным жанрам, позволяет получить представление об архаическом мировидении и отраженных в языке способах осмысления окружающей действительности. Помимо этого, исследование особенностей конструкции, утраченной в английском, но существующей в других германских языках, помогает сформировать более полное представление об их общих истоках и характеристиках на древнем этапе развития.

Материалом исследования послужили два древнеанглийских текста, различные как по своему жанру, так и по времени создания, – героическая поэма «Беовульф» и летописный памятник «Англосаксонские хроники». Согласно общепринятой точке зрения, текст «Беовульфа» мог впервые возникнуть в период с 650 г., но поначалу передавался исключительно в устной песенной традиции и был письменно зафиксирован примерно в XI в. Текст «Англосаксонских хроник», как полагают, был первоначально составлен при дворе Альфреда Великого в 890-е гг. [Метлицкая, 2010, с. 17], хотя мнения о точной истории создания памятника разнятся.

Методология исследования, определяемая его целью, объединила в себе метод сплошной выборки, с помощью которого оба текста были проанализированы на предмет актуализации в них лексемы *man (mon)*, метод контекстуального анализа, позволяющий оценить семантический объем и грамматическую функцию слова в контексте, и сравнительно-исторический метод, необходимый при проведении параллелей между древнеанглийским и современным немецким языками. Исследование показало, что функционирование неопределенно-личных структур имеет свои особенности в каждом из текстов, что может быть связано как с особенностями их жанра и стиля, так и с фактором временного характера.

Исследование и его результаты

«Беовульф»

В тексте «Беовульфа» лексема *man (mon)* отмечена в общей сложности в 76 случаях, которые могут быть разделены на несколько групп на основании общности контекста и реализуемого в нем значения лексемы:

1. В значении 'группа людей' лексема *man (mon)* отмечена в 15 случаях, преимущественно в форме множественного числа генетива *manna*. Как правило, здесь речь идет о качествах, выделяющих описываемого персонажа в сравнении с другими людьми, которые и обозначаются указанной лексемой. Ср.: *he þritiges // manna mægencræft / on his mundgripe // heaþoróf hæbbe* [Beowulf, col. 379–380] – «он силу тридцати человек в своей руке, храбрый в битве, имел» (перевод примеров здесь и далее наш).

2. В значении 'один/любой из группы людей' лексема *man (mon)* отмечена в 18 случаях, в основном в сочетании с неопределенным местоимением *aenig*. Ср.: *Naefre ic aenegum men / aer alyfde // sibðan ic hond ond rond / hebban mihte* [Beowulf, col. 655–656] – «Никогда я никому не вверял прежде (сокровищ), с тех пор как руку и щит поднять мог».

3. Для обозначения конкретного человека, персонажа поэмы лексема *man* (*mon*) употребляется в 20 случаях. Ср.: *gang ða æfter flore / fyrðwyrðe man // mid his handscale* [Beowulf, col. 1316–1317] – «шагал тогда по полу прославленный человек со своею дружиной». Помимо *man* (*mon*), для указания на конкретных персонажей в тексте широко используются существительные *maeg*, *eorl*, *secg*, *guma*, *beorn* и др.

4. Использование сложного слова *mancynn* (*moncynn*) для обозначения человеческого рода отмечено в тексте в 12 случаях. Ср.: *þæt mihtig god / man-na cynnes // weold wideferhð* [Beowulf, col. 701–702] – «тот могучий бог человечеством правил вечно».

5. В 3 случаях лексема *man* (*mon*) входит в состав других сложных слов, напр.: *garas stodon // seamanna searo / samod ætgædere* [Beowulf, col. 329–330] – «копья стояли, орудия моряков, все вместе».

6. В 8 случаях лексема *man* (*mon*) зафиксирована в контекстах, позволяющих усматривать в ней неопределенно-личное значение. Как правило, это выражения афористического, поучительного характера, завершающие описание событий на поле битвы и содержащие в себе наставления, как следует поступать любому храброму и отважному воину в тех или иных ситуациях и какими жизненными ценностями нужно руководствоваться в целом. Ср.: *swa sceal man doon // þonne he æt giðe / gegan þenceð // longsumne lof* [Beowulf, col. 1532–1534] – «так должно поступать, если кто хочет в битве получить долгую славу»; *lofdaedum sceal // in maegþa gegwaere / man geþeon* [Beowulf, col. 24–25] – «доблестными делами должно среди дружины славиться».

Стоит заметить, что такая весьма характерная эпическая формула в тексте «Беовульфа» допускает использование в роли субъекта и некоторых полнозначных существительных вместо *man*. В трех случаях предложения аналогичного содержания реализуются с существительными *eorl*, *maeg* и *secg*. Ср.: *swylc eorl scolde // wesan aergod / swylc Æschere was* [Beowulf, col. 1326–1328] – «таким воин должен быть славным, как Эскхере»; *Swa sceal maeg don* [Beowulf, col. 2166] – «Так должно дружиннику поступать»; *swylc sceolde secg wesan* [Beowulf, col. 2708] – «таким должно быть ратнику».

С одной стороны, возможность использования полнозначных существительных в предложениях, смысл которых обнаруживает близость к неопределенно-личным конструкциям, может свидетельствовать, что переход существительного *man* (*mon*) к роли неопределенно-личного местоимения завершен не полностью и между вышеприведенными примерами существуют различия, связанные с характеристиками субъекта предложения. Так, предположим, что в примерах с *man* речь идет о том, как должно поступать любому человеку в самом широком смысле этого слова, в то время как в примерах с *eorl*, *maeg*, *secg* суждения аналогичного характера относятся не просто к человеку, но к герою, воину, благородному ратнику, аристократу, т. е. человеку, обладающему определенными характеристиками. С другой стороны, учитывая своеобразие героико-эпической картины мира, отмечаемой многими исследователями [Волков, Волкова, 2021; Гвоздецкая, 1995, 2020; Смирницкая, 2008] и не до конца понятной современному читателю, возможно, условная эпическая формула *swa sceal man doon* не утрачивает своего неопределенно-личного значения даже в том случае, когда вместо *man* в роли субъекта выступают другие существительные.

Как указывает О. Л. Мошанская, именно формульность раскрывает важные свойства сознания средневекового человека, особенности его мышления и мировоззрения [Мошанская, 2009, с. 31]. Ключевые темы и сюжеты ге-

роического эпоса – образцы благородного поведения, борьба за победу на поле боя и верность своему конунгу, в связи с чем в центре повествования всегда находится эпический герой – храбрый и отважный воин. Обозначаемый различными существительными, которые могут объединяться в синонимические ряды и синонимические системы согласно требованиям аллитерационного стиха и литературной традиции того времени, он вместе с тем является одним из представителей рода человеческого и своими действиями олицетворяет человечество в целом.

К такому более широкому взгляду на эпическое слово призывает О. А. Смирницкая, когда указывает на необходимость его рассмотрения «в связи с максимально широким контекстом всей поэмы, в единстве с ее композицией и основными сюжетными линиями» [Смирницкая, 2008, с. 161]. Воплощая в себе древнюю мудрость, эпос учит проводить различие между добром и злом и дает наставления, как следует жить, при этом их неопределенно-личный характер и отнесенность к широкому кругу лиц могут сохраняться и в тех случаях, когда роль субъекта берут на себя иные существительные вместо *man*. Так, любые поучения, как следует жить и поступать благородному воину (*eorl, maeg, secg*), можно истолковать как применимые и к любому человеку или мужу (*man*) в целом, и наличие в тексте регулярных конструкций (формул), демонстрирующих структурное и семантическое сходство вне зависимости от конкретного существительного в роли субъекта, подтверждает эту мысль.

В других контекстах неопределенно-личное значение конструкций с *man (mon)* реализуется вне какой-либо эпической формулы, напр. *me man sægde / þæt þu ðe for sunu wolde // hereric habban* [Beowulf, col. 1175–1176] – «мне сказали, что ты сыном хочешь [этого] героя назвать»; *þær mon Hygelac slog* [Beowulf, col. 2355] – «там был убит Хигелак». Очевидно, что в приведенных примерах основной акцент высказывания сводится к передаче информации о некоторых событиях или действиях, производители которых не упоминаются и лишь формально обозначаются лексемой *man (mon)*, несущей общее значение и потому приближающейся по своей функции к неопределенно-личному местоимению. Подобное толкование смысла древнего текста усматривается и в его переводе на современный английский язык М. Александера, а также в художественном переводе на русский язык В. Тихомирова, даже несмотря на то что это «язык иной структуры и иной литературной традиции» [Гвоздецкая, 2020, с. 229]: [Beowulf, col. 1175–1176] – *I hear it is your wish to hold this warrior henceforward as your son* [Alexander, 2003, p. 43] – «Назвал ты сыном, так я слышала, героя-гаута» [Тихомиров, 2024, с. 75]; [Beowulf, col. 2354–2355] – *...when Hygelac was slain* [Alexander, 2003, p. 84] – «...где сгибнул Хигелак» [Тихомиров, 2024, с. 147]. Как видно из приведенных вариантов перевода, ни в одном из них нет точного указания на производителя действий, обозначенных глаголами *secgan* ‘говорить’ или *slean* ‘убивать’.

«Англосаксонские хроники»

Особенности реализации лексемы *man (mon)* в тексте «Англосаксонских хроник», где она встречается в общей сложности 64 раза, носят существенно иной характер по сравнению с «Беовульфом». В преобладающем числе случаев (43) указанная лексема отмечена в предложениях, явно тяготеющих к неопределенно-личным. Ср.: *his broþur Horsan man ofslog* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 455] – «его брата Хорсу убили»; *heora cyng him gesealde þæt igland þe man li nemað* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 565] – «их король пода-

рил ему остров, который называют Иона». В первом из приведенных примеров акцентируется то, что один из представителей правящей знати пал в сражении, при этом конкретное лицо, совершившее данное убийство, не упоминается. Аналогичным образом во втором примере контекст подсказывает, что речь идет о бытующем среди широкого круга людей названии острова, а вовсе не о том, что какой-то определенный человек называет его Ионой.

Высокая частотность синтаксических структур подобного рода в тексте летописи позволяет говорить о наличии в древнеанглийском языке **особой модели неопределенно-личного предложения**. В них существительное *man* (*mon*) обнаруживает тенденцию к утрате своей однозначности и служит формальному указанию на субъекта действия, диапазон значений которого включает идеи единственного и множественного числа и распространяется на некоторого неуточненного или любого человека/людей в широком смысле слова. Основной смысловой акцент таких предложений приходится не на производителя действия, а на действие как таковое. Жанрово-стилистические особенности летописного памятника, представляющего собой краткое описание наиболее значимых для жизни народа событий, определяют и круг глаголов, выступающих в качестве моделиобразующего центра таких предложений. Наиболее частотным среди них является глагол *slean/ofslean* 'убивать', напр. *þy ilcan gear Ecgferþ cyning mon ofslog* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 685] – «в тот же год убили короля Эгферта». Среди других глаголов отмечены *halgian* 'рукоположить' (*Her mann halgode ælfheg to arcebiscope* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 1006] – «В этом году Эльфхеах был рукоположен в епископы»), *nemnan* или *hatan* 'называть' (*Her Ceawlin 7 Cūpa fuhton wip Brettas, in þam stede þe mon nemneþ Feþanleag* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 584] – «Тогда Кеавлин и Кута сражались с бриттами в том месте, которое называется Луг Войска»; *æteowde se steorra þe mon on boclæden hæf cometa* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 892] – «появилась звезда, которую на ученом языке называют "комета"»), сочетание *frīð niman* 'заключить мир' (напр.: *on þæm ilcan gere mon fæstnode þone frīð æt Yttingaforda* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 905] – «в этом же году был заключен мир в Тидинфорде»), модальный глагол *magan* 'мочь' в сочетании с другими глаголами или без них (*7 se cyng het ridan æfter, 7 þa ne mehte hine mon ofridan* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 900] – «король приказал скакать (за Этельвальдом), но его невозможно было догнать») и др.

Помимо тех синтаксических структур, в которых лексема *man* (*mon*) приближается по своей функции к неопределенно-личному местоимению, в 21 случае она используется в тексте «Англосаксонских хроник» и как полноценное существительное, указывающее на конкретное лицо, некоторую группу или сообщество людей. Ср.: *an mann stande on þan scipe* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 1031] – «человек стоял на том корабле». В целом такие случаи демонстрируют типологическое сходство с некоторыми из семантических категорий, которые были выявлены для существительного *man* (*mon*) в тексте «Беовульфа». Отличительной чертой летописи является, однако, то, что во многих случаях обсуждаемое существительное используется для указания не на любое, а именно на национальное сообщество людей, что объясняется содержанием памятника, запечатлевшего историю национальной борьбы англосаксов с покушавшимися на их земли захватчиками. Ср.: *þa for he þonan to Snotingham 7 gefor þa burg, 7 het hie gebetan 7 gesettan, ægþer ge mid Engliscum mannum, ge mid Deniscum* [Anglo-Saxon Chronicles, col. 918] – «Оттуда отправился он в Ноттингем, вошел в этот бург и повелел его восстановить и поселить людей – англов и данов».

Особенности формирования неопределенно-личной структуры с местоимением *man* (*mon*) в древнеанглийском языке

Использование местоимения *man* (*mon*) как необходимого структурного элемента неопределенно-личных предложений – одна из черт, подчеркивающих родство древнеанглийского и современного немецкого языков, что неоднократно отмечалось исследователями [Гвоздецкая, 2020, с. 228; Lauridsen, 2021, р. 54]. Генетическая связь английского и немецкого языков и их происхождение от одного прагерманского источника, безусловно, объясняют наличие в древнеанглийском особой семантико-синтаксической структуры, аналогии которой можно обнаружить в немецком языке как на древнем, так и на современном этапе его существования. Так, В. М. Жирмунский указывает, что существительное *man* приобретает значение неопределенного субъекта еще в древненемецком языке (см. в «Песне о Гильдебранде»: *mit geru scal man geba infahan* ‘mit dem Speere soll der Mann (> man) Gaben empfangen’ – «Копьем должно [человеку] даров добиваться» [Жирмунский, 2023, с. 206]). Примечательно, что данный пример из древненемецкого эпического памятника носит тот же самый характер афоризмов-поучений, которые были отмечены в «Беовульфе» и отсутствуют в «Англосаксонских хрониках».

Предложения с *man* широко используются и в современном немецком языке. Следы существительного *man* можно видеть в немецком отрицательном местоимении *niemand* и неопределенных местоимениях *jemand*, *jedermann*, в то время как у английского языка в данном случае иной путь развития, в нем используется в качестве аналогов местоимение *they*, а также местоимения с компонентами *one* или *body*: *no one/nobody*, *anyone/anybody*, *everyone/everybody*. Сравнивая особенности функционирования неопределенно-личных местоимений в современном английском, немецком и датском языках, Й. ван дер Аувера и др. используют термины «стратегия-man» (*man strategy*) и «стратегия-one» (*one strategy*) [Auvera, Gast, Vanderbiesen, 2012, р. 27]. Таким образом, генетическое родство английского и немецкого языков и наличие у них общих черт в диахронии позволяют проводить параллели и опираться на современный немецкий язык при анализе языкового материала древнеанглийского.

При этом вопрос, почему же английский язык утратил структуру, до сих пор успешно функционирующую в немецком, до сих пор вызывает разногласия среди исследователей. Среди способствующих тому факторов упоминают наличие в древнеанглийском языке полнозначного существительного *man*, совпадающего по форме с неопределенно-личным местоимением, ассоциирование последнего исключительно с мужским полом, проблемы согласования и анафорической ссылки, а также наличие множественных альтернатив обсуждаемому местоимению [Fischer, 2006, р. 225].

Рассуждая о неопределенно-личных предложениях как особой синтаксической структуре, функционировавшей на древнем этапе развития английского языка, важно охарактеризовать особенности ее формирования, среди которых можно усмотреть **семантический переход** существительного *man* (*mon*), основанный на антропоцентрическом мышлении, в сочетании с **грамматикализацией** указанного существительного.

Суть семантического перехода заключается в трансформации лексического значения существительного *man* (*mon*) в направлении роста его абстрактности и утрате конкретной денотативной составляющей. В результате этого предложения с данным существительным перестают восприниматься как указывающие на некоторое действие, источником которого является

определенный человек или муж; вместо этого они служат для упоминания события или действия как такового, а само существительное приобретает характер неопределенно-личного местоимения, что прослеживается в примерах из «Англосаксонских хроник» и «Беовульфа». В ряде случаев структура предложения дополняется модальным глаголом со значением возможности, желательности или долженствования, и тогда упоминаемое действие предстает как рекомендация или поучение для неопределенного круга лиц.

Тот факт, что именно существительное *man (mon)* подверглось такой трансформации, указывает на антропоцентрический взгляд на мир как основной принцип человеческого мышления. По сути, вся понятийная система человека основывается на восприятии себя как центра любых событий и действий. Все, что происходит, может или должно произойти, так или иначе происходит вокруг человека или в связи с ним. Антропоцентризм становится в данном случае фундаментом, сохраняющим когнитивную смежность (*cognitive proximity*) двух языковых значений лексемы *man (mon)*, что и составляет суть семантического перехода [Zalizniak, 2018, p. 772]. Оправданность рассмотрения любых языковых явлений в антропоцентрической перспективе в настоящее время не подвергается сомнению, хотя исследователями отмечается, что такой подход преимущественно используется для анализа лексики и гораздо менее популярен при описании грамматических явлений [Нагорная, 2017, с. 64].

Есть еще одна особенность формирования неопределенно-личной конструкции в древнеанглийском языке – описанный семантический переход существительного *man (mon)* неразрывно связан с грамматикализацией. Ее содержание сводится к тому, что указанное существительное, обладая максимально абстрактной семантикой, становится грамматически обязательным структурным элементом таких предложений, которые начинают строиться по регулярному образцу, закрепляющему некоторый когнитивный опыт языкового сообщества, а само существительное переходит при этом в статус неопределенно-личного местоимения. Суть процесса грамматикализации весьма точно описана Н. А. Голубевой: «новые грамматические единицы питаются лексическими единицами, поставляющими свои конкретные значения для выражения грамматических, то есть абстрактных значений» [Голубева, 2017, с. 83]. Иными словами, некоторые конкретные концепты, составляющие содержание языковых знаков, трансформируются в абстрактные, что по своей сути есть способ осмысления человеком окружающей действительности. Функционирование существительного *man (mon)* в древнеанглийском языке соответствует также приему, названному Б. Гейне «целевым отчуждением» (*Zweckentfremden*), когда лексемы, применяемые в языке для описания конкретных концептов, одновременно активно используются и для выражения абстрактных значений [Heine, 1991, p. 29].

Тесная связь и возможность одновременного протекания процессов семантического перехода и грамматикализации как в синхронии, так и в диахронии подтверждаются тем, что некоторые исследователи рассматривают их как единое целое. Так, в терминологии А. Зализняка грамматикализация является одной из разновидностей семантического перехода и может иметь различные формы реализации, в том числе морфологическую девиацию (*morphological deviation*) как любое изменение морфосинтаксических характеристик слова [Zalizniak, 2018, p. 775].

Важным результатом семантического перехода существительного *man (mon)* в сочетании с его грамматикализацией становится расширение суще-

ствующего в древнеанглийском языке инвентаря моделей предложений за счет новой конструкции, наделенной обобщенным неопределенно-личным значением (подробнее о моделях предложения в древнеанглийском см.: [Рючина, 2006]). Выступая в роли регулярных образов или типовых шаблонов для описания множества реальных референтных ситуаций, модели предложения любого языка имеют под собой прочную когнитивную основу, поскольку отражают способы перцепции, осмысления и категоризации всех явлений и вещей окружающего мира. Рассуждая о роли синтаксиса в процессе познания, Б. Ю. Норман называет его «рельсами, по которым движется поезд познания» и указывает, что грамматические единицы и связи хранят в концентрированном виде когнитивный опыт предшествующих поколений и вместе с тем дают говорящему инструмент для упорядочения новой получаемой информации [Норман, 2023, с. 34]. Подтверждение тому – механизм построения высказывания в речи: намереваясь выразить какую-либо мысль, говорящий как бы заранее знает, какими синтаксическими образцами может при этом воспользоваться, и наполняет своим уникальным содержанием существующие в его сознании универсальные модели. Таким образом, схемы предложений определяют способы речевого оформления мысли, которые могут быть похожими или различаться в разных языках.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что древнеанглийский язык, по видимому, шел в направлении формирования неопределенно-личных предложений с местоимением *man* в том виде, в котором они существуют в современном немецком языке, но впоследствии утратил эту модель предложения. Проведенный анализ показал наличие таких предложений в памятниках разной жанровой принадлежности и разного времени создания.

Основными отличиями «Беовульфа» от «Англосаксонских хроник» являются частотность употребления обсуждаемых предложений и их семантико-стилистическое наполнение. Так, в тексте «Беовульфа» количество неопределенно-личных структур с *man* (*mon*) составляет всего 8 случаев против 43 в «Англосаксонских хрониках», но при этом отмечается значительная полисемия существительного *man* (*mon*) во всех остальных случаях (68) его реализации в тексте, где оно может указывать на конкретного персонажа поэмы, группу людей или одного из ее представителей, а также на человеческий род. Такое разнообразие смысловых вариаций, сводимых к единому представлению о человеческой сущности, позволяет предположить, что семантический переход полнозначного существительного *man* (*mon*) к роли местоимения и формального субъекта неопределенно-личных предложений в сочетании с его грамматикализацией основан на антропоцентрическом мышлении, воспринимающем все явления и события окружающего мира как происходящие вокруг человека и только в связи с ним. В летописном памятнике, напротив, доля неопределенно-личных предложений (43) вдвое превышает количество тех предложений, где *man* (*mon*) выступает в качестве полнозначного существительного (21 случай). Различия в семантике и стиле неопределенно-личных конструкций в двух текстах сводятся к тому, что в «Беовульфе» часть из них реализуется в виде эпической формулы, носящей характер афоризма или поучения, причем позиция субъекта в составе данной формулы допускает варьирование и использование некоторых полнозначных существительных, помимо *man* (*mon*). В тексте летописи семантика неопределенно-личных предложений носит единообразный характер и сводится к описанию наиболее

важных событий англосаксонского периода в истории Англии. Представляется, что все указанные различия между двумя памятниками находятся в связи с их жанрово-стилистическими особенностями и временем создания.

Список источников

- Аракин В. Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2011. 304 с.
- Волков А. М., Волкова З. Н. Беовульф. Англосаксонский эпос. М.: Ленанд, 2021. 104 с.
- Гвоздецкая Н. Ю. «Беовульф» в России: язык древнеанглийского героического эпоса в русском художественном переводе // Вестн. РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 9. С. 226–239. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-226-239>
- Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново: ИГУ, 1995. 151 с.
- Голубева Н. А. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: Канцлер, 2017. С. 81–89.
- Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: УРСС, 2023. 416 с.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. СПб.: Лань, 1999. 512 с.
- Метлицкая З. Ю. Англосаксонская хроника. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
- Мощанская О. Л. Англосаксы и древние русичи: художественное видение мира. Н. Новгород: НГЛУ, 2009. 106 с.
- Нагорная А. В. Английские словосочетания типа *thrilling moment* и *thrilled moment* как средство выражения субъективного темпорального опыта // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: Канцлер, 2017. С. 64–75.
- Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА, 2023. 254 с.
- Расторгуева Т. А. История английского языка. М.: Астрель, 2003. 348 с.
- Рючина Е. В. Двухместные предикаты в древнеанглийском: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
- Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008. 472 с.
- Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ, 1998. 319 с.
- Тихомиров В. Беовульф: пер. с др.-англ. М.: АСТ, 2024. 256 с.
- Шапошникова И. В. История английского языка. М.: ФЛИНТА, 2022. 508 с.
- Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.: Ленанд, 2022. 200 с.
- Alexander M. Beowulf. A verse translation. L., N. Y.: Penguin Books, 2003. 145 p.
- Anglo-Saxon Chronicles. Manuscript A. URL: https://documentacatholicaomnia.eu/03d/0001-1154,_auctor_incertus,_anglo_saxon_chronicle,_en.pdf (дата обращения: 15.01.2025).
- Beowulf: dual language edition. URL: <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html> (дата обращения: 15.01.2025).
- Campbell A. Old English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1991. 437 p.
- Fischer O. Syntax // The Cambridge History of the English Language. Vol. II: 1066-1476. N. Blake (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 699 p.
- Fulk R. D. An introductory grammar of Old English. Tempe: ACMRS, 2014. 344 p.
- Heine B. Grammaticalization: A conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 327 p.
- Hogg M., Fulk R. D. A grammar of Old English. Vol. 2: Morphology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. 406 p.
- Lauridsen F. B. Old English syntax and its relation to German: A comparative study // Interdisciplinary Journal in English. 2021. № 7. P. 54–74.
- Mitchell B., Robinson F. C. A guide to Old English. Oxford: Blackwell, 1997. 174 p.

- Ringe D., Taylor A. The development of Old English. Oxford: Oxford University Press, 2014. 614 p.
- Quirk R., Wrenn C. L. An Old English grammar. London: Robert Cunningham & Sons Ltd, 1960. 90 p.
- Van der Auvera J., Gast V., Vanderbiesen J. Human impersonal pronoun uses in English, Dutch and German // *Leuvense Bijdragen*. 2012. Vol. 98. P. 27–64.
- Zalizniak A. A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22, № 4. P. 770–787.

References

- Alexander, M. (2003). *Beowulf*. A verse translation. London, New York, Penguin Books, 145 p.
- Anglo-Saxon Chronicles*. Manuscript A. Available at: [https:// documentacatholicaomnia.eu/03d/0001-1154_auctor_incertus_anglo_saxon_chronicle_en.pdf](https://documentacatholicaomnia.eu/03d/0001-1154_auctor_incertus_anglo_saxon_chronicle_en.pdf) (accessed 15 January 2025).
- Arakin, V. D. (2011). *The history of English language*. Moscow, Physical and Mathematical Literature, 304 p. (In Russian).
- Beowulf*: dual language edition. Available at: <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html> (accessed 15 January 2025).
- Campbell, A. (1991). *Old English Grammar*. Oxford, Oxford University Press, 437 p.
- Fischer, O. (2006). Syntax. *The Cambridge History of the English Language*. Vol. II: 1066-1476. N. Blake (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 699 p.
- Fulk, R. D. (2014). *An introductory grammar of Old English*. Tempe, ACMRS, 344 p.
- Golubeva, N. A. (2017). Grammatikalization as the stratification factor of categorial semantics in the modern German language. *Grammar categories of Germanic languages in the anthropocentric perspective*. Moscow, Chancellor, pp. 81-89. (In Russian).
- Gvozdet'skaya, N. Yu. (1995). *Language and style of Old English poetry*. Ivanovo, Ivanovo State University, 151 p. (In Russian).
- Gvozdet'skaya, N. Yu. (2020). "Beowulf" in Russia: the language of Old English heroic epic in the literary translation into Russia. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, no. 9, pp. 226-239. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-226-239>
- Heine, B. (1991). *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago, University of Chicago Press, 327 p.
- Hogg, M. and Fulk, R. D. (2011). *A grammar of Old English*. Vol. 2: Morphology. Chichester, Wiley-Blackwell, 406 p.
- Ivanova, I. P., Chakhoyan, L. P. and Belyaeva, T. M. (1999). *The history of English language*. Saint Petersburg, Fallow Deer, 512 p. (In Russian).
- Lauridsen, F. B. (2021). Old English syntax and its relation to German: A comparative study. *Interdisciplinary Journal in English*, no. 7, pp. 54-74.
- Metlitskaya, Z. Yu. (2010). *Anglo-Saxon Chronicles*. Saint Petersburg, Eurasia, 288 p. (In Russian).
- Moshchanskaya, O. L. (2009). *Anglo-Saxons and Old Russians: the artistic vision of the world*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University, 106 p. (In Russian).
- Mitchell, B. and Robinson, F. C. (1997). *A guide to Old English*. Oxford, Blackwell, 174 p.
- Nagornaya, A. V. (2017). English Collocations of Thrilling Moment and Thrilled Moment Type as a Means of Conveying Subjective Temporal Experience. *Grammar categories of Germanic languages in the anthropocentric perspective*. Moscow, Chancellor, pp. 64-75. (In Russian).
- Norman, B. Yu. (2023). *Cognitive syntax of the Russian language*. Moscow, Flinta, 254 p. (In Russian).

- Quirk, R. and Wrenn, C. L. (1960). *An Old English grammar*. London, Robert Cunningsham & Sons Ltd, 90 p.
- Rastorgueva, T. A. (2003). *The history of English language*. Moscow, Astrel, 348 p. (In Russian).
- Ringe, D. and Taylor, A. (2014). *The development of Old English*. Oxford, Oxford University Press, 614 p.
- Ryuchina, E. V. (2006). *Binary predicates in Old English*. PhD thesis. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 16 p. (In Russian).
- Smirnitskaya, O. A. (2008). *Selected articles on German philology*. Moscow, Max Press, 472 p. (In Russian).
- Smirnitskij, A. I. (1998). *Old English language*. Moscow, Moscow State University, 319 p. (In Russian).
- Shaposhnikova, I. V. (2022). *The history of English language*. Moscow, Flinta, 508 p. (In Russian).
- Tikhomirov, V. (2024). *Beowulf*. Transl. from Old English. Moscow, AST, 256 p. (In Russian).
- Van der Auvera, J., Gast, V. and Vanderbiesen, J. (2012). Human impersonal pronoun uses in English, Dutch and German. *Leuvense Bijdragen*, vol. 98, pp. 27-64.
- Volkov, A. M. and Volkova, Z. N. (2021). *Beowulf. Anglo-Saxon epic*. Moscow, Lenand, 104 p. (In Russian).
- Yartseva, V. N. (2022). *Historic morphology of English language*. Moscow, Lenand, 200 p. (In Russian).
- Zalizniak, A. A. (2018). The catalogue of semantic shifts: 20 years later. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 4, pp. 770-787.
- Zhirmunskij, V. M. (2023). *The history of German language*. Moscow, URSS, 416 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Разумных Елена Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка химического факультета, amilano80@mail.ru

Information about the Author

Elena V. Razumykh – Ph.D. in Philology, associate professor of English Language Department, Chemistry Faculty, amilano80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.